
А. Д. СУХОВ

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ХОД РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

Ход русской философии и ее облик на каждом конкретном этапе развития predetermined рядом обстоятельств. Философия – составная часть русской цивилизации и изменяется вместе с ней; она испытывает воздействие других национальных философий; облик философии всегда находится в зависимости от ее прошлого, определяется им. Но есть еще одна мера воздействия на философию, на которой в данной публикации и хотелось бы специально остановиться. Это – воздействие на нее идеологических образований. Их роль в развитии философской мысли – в числе проблем, подлежащих изучению. Философия, рассмотренная в таком аспекте, свидетельствует, что те или иные ее проявления связаны с вполне определенными идеологическими системами. Последние, различные по своей социальной природе, по-разному направляли и ориентировали философскую мысль, предваряли и предопределяли философский поиск, давали ему целенаправленность, стимулировали его, отражались на его результатах.

Ключевые слова: русская философия, идеологические комплексы, идеологические дихотомии, идеологическая мимикрия.

The pace of Russian philosophy and its development at each peculiar stage of its development are predetermined by a number of circumstances. Philosophy is an integral part of Russian civilization and changes along with it; it is influenced by other national philosophies; the image of philosophy is always dependent on and determined by its past. But there is another measure of influence on philosophy, which I would like to specifically dwell on in this publication. This is the impact of ideological formations on it. Their role in the development of philosophical thought is among the problems to be studied. Philosophy, considered in this aspect, shows that its manifestations are associated with well-defined ideological systems. The latter, different in their social nature, directed and oriented philosophical thought in different ways, anticipated and

predetermined the philosophical search, gave it purposefulness, stimulated it, and affected its results.

Keywords: *Russian philosophy; ideological complexes; ideological dichotomies; ideological mimicry.*

Процесс развития русской философии предопределяют многие обстоятельства. Философия входит в состав русской цивилизации, является ее системной составляющей, подчиняется ее законам, претерпевает изменения вместе с ней и, в свою очередь, воздействует на нее.

Русская философия ощущает присутствие иных философских комплексов. С X в., после введения на Руси христианства, идейные импульсы, шедшие из Византии, содействовали освоению философского наследия, имевшегося к тому времени, его дальнейшей разработке. Свой престиж представления, получаемые из Византии, сохраняли и впоследствии, хотя их значимость постепенно уменьшалась. После военного, а как посчитали на Руси, и духовного поражения Византии в XV в., русское общественное сознание стало рассматривать себя первенствующим; Москва была провозглашена третьим Римом.

Не осталась без последствий для русской мысли особая стадия средневековой эпохи – Возрождение. Русь пережила период, предваряющий Возрождение, предшествующий ему. Правда, русское Предвозрождение, испытывавшее на себе влияние западной мысли, в Возрождение не перешло, пав под натиском феодальной реакции в середине XVI в.

XVIII столетие было ознаменовано усилением контактов с Западной Европой, а в философском плане – ознакомлением с ее философией, как с прежней, уходящей в глубь времен (Античность, начало Нового времени), так и с современной, во второй половине века – в особенности с французской. В конце XVIII – первой половине XIX столетия своего рода откровением для всего философского мира явилась немецкая классическая философия. Не обошла она стороной и русскую мысль.

Когда речь идет о внешних воздействиях на русскую философию, имеются в виду не только воздействия непосредственные (хотя и они имели место), но также преломления привнесенных идей в новой для них среде, толчки, полученные ею, равно как противодействие, неприятие, противление, отталкивание, встречаемые этими идеями. Любая национальная философия также, естественно, не остается без последствий для остального философского сообщества.

Вид русской философии, как и всякой иной, на любом этапе ее развития зависит от всей ее прежней истории, создан, выработан ею. Крепнут философские традиции, предваряются и образуются в соответствии с ними новые философские системы.

Есть и еще одна мера воздействия на философию, на которой хотелось бы специально остановиться. Это – идеологические комплексы, определенным образом ориентирующие философскую мысль, придающие познанию действительности целенаправленность. Тема эта – одна из принадлежностей теоретической истории русской философии. Теоретическая история, приобретающая все большую значимость в историко-философских исследованиях, отличается от той, которую принято считать традиционной. Если в традиционной истории дается последовательное воспроизведение и всестороннее освещение историко-философского процесса, то объект внимания теоретической – лишь основные его признаки, характерные черты, причинно-следственные связи, его определяющие и сопровождающие. Роль идеологических образований в движении философской мысли – в числе таких теоретических проблем.

Первое по времени из явлений, имеющих регулирующий, организующий и направляющий характер для отечественной философии, – русское православие. Появился и приобрел силу этот фактор в средневековом обществе, где роль религии всегда, независимо от особенностей того или иного региона, исключительно велика. Но на русской социальной почве воздействие религиозной идеологии на характер философского мышления приобрело свои специфические признаки. В Западной Европе христианская философия, хотя и являлась «служанкой теологии», все же представляла собой

некое самостоятельное идейное образование. В исследованиях, посвященных истории философии, ее существование под сомнение не ставилось и не ставится. Положение русской философии в сфере общественного сознания было иным. Если на христианском Западе философия, признавая главенство над собой теологии, находилась под ее эгидой, то на христианском Востоке, в русском социуме, оказалась в ее недрах. Потребовалась исследовательская работа, чтобы обнаружить ее там. Поиск, продолжающийся поныне, в котором наряду с философами принимают участие историки и литературоведы, установил активную и разностороннюю философскую жизнь под нефилософскими покровами. Обнаруживаются философские концепции, размышления, разработки, символы, свойственные тому времени. Причастны к философскому творчеству Илларион, Кирилл Туровский, Нил Сорский, Максим Грек, ряд других теологов. Но, конечно, включения, привнесенные в философское мышление извне, нельзя при этом не учитывать: философия находилась с религией в конгломерате.

На рубеже XVII и XVIII столетий русская философия выделилась из синтеза с теологией, став самостоятельной. XVIII веку знакома уже не только идеалистическая, но и материалистическая русская философия. Однако ранее существовавшее явление, пребывание философии в пределах богословия, сохранилось; в церковном православии идейный симбиоз, отмеченный выше, бытовал, как и прежде. В 1850 г., когда философия как форма сознания была официально отвергнута, данный синтез вновь был объявлен единственно возможным и сохранял этот свой статус до тех пор, пока существовал николаевский режим. В православии подобный способ философствования не был утрачен и в дальнейшем. Здесь философия по-прежнему пребывает в составе теологии.

Для православной идеологии противоположностями, не терявшими с ней идейного родства, связей и контактов, но находившимися в противоборстве, явились разнообразные неортодоксальные движения, предъявившие свои трактовки идейных проблем – философских в том числе. На базе этого инакомыслия формировалось свободомыслие в его отличных одно от другого проявлениях.

В неортодоксии и ее философских экскурсах, когда они имели место, иначе, чем в ортодоксальных вариантах, рассматривались и решались проблемы личности, ее общественного статуса, души, нестяжательства, противостоящего стяжанию, и т. п.

Давало о себе знать одно из свойств идеологии – дихотомия, когда целое складывается из двух разнородных частей, каждая из которых способна развиваться самостоятельно.

В конце XVII – начале XVIII в. идеология позднего феодализма в России пережила существенную трансформацию, обрела новый вид, противопоставила себя прежней. Обновлялась она, ориентируясь на Запад. Но ориентация эта была односторонней. На место отживавшего свое феодального строя Запад выдвигал иной, шедший ему на смену, – капиталистический. В Нидерландах и Англии совершились буржуазные революции. Там, где до этого дело еще не дошло, в недрах феодальной формации функционировали буржуазные уклады, оказывавшие заметное воздействие на жизнь общества. В России в данный период благодаря заимствованиям с Запада менялся внешний облик социума. В новом стиле строились здания, дворцы и храмы, преобразовывались правительственные учреждения, армия; даже одеваться правящий класс стал иначе, чем прежде. Все это осуществлялось на иноземный манер.

Но феодальная формация в России не желала сдавать своих позиций каким бы то ни было чуждым ей силам, буржуазным или предбуржуазным; она укреплялась – и не в последнюю очередь за счет заимствований у Запада. Крепостничество на русской почве росло, ширилось, захватывало в свою орбиту новые территории и слои населения, утрачивало признаки, отличающие его от рабства. Русский абсолютизм, в отличие от западного, не имел перед собой цели сбалансировать разнородность социальных сил. Он отстаивал феодальные порядки, препятствуя образованию новых.

В большом объеме проявила себя социальная мимикрия, когда определенные явления, меняя внешние показатели, сохраняют свою суть. Эти явления стремятся выдать себя за такие, которые отличны от них по своей природе, даже противоположны им. Старина в таком случае гримируется под новизну, от которой в дей-

ствительности достаточно далека, переодевается в новомодные одежды. Широко используется социальная мимикрия и в идеологии.

В соответствии с тогдашними потребностями при Петре I, зачинателе подобной реформации, сформировалась группа идеологов, получившая наименование «ученая дружина», которая существовала и позже, при ближайших преемниках первого российского императора, воздействуя на различные стороны жизни общества.

В этой группе можно выделить – по их значимости – В. Н. Татищева, Феофана Прокоповича, Антиоха Кантемира. Это – группа в группе; деятели ее расходились в трактовках некоторых второстепенных, частных вопросов, но при осуществлении главных пунктов намеченной программы действовали согласованно и дружно.

Из всех правлений, известных истории, утверждается, обосновывается, прославляется лишь одно из них, им современное, – императорский абсолютизм. Когда в 1730 г., после смерти Петра II, возникло междуцарствие, три отмеченных выше идеолога приняли действенное участие в том, чтобы самодержавный режим не претерпел изменений.

Церковь со времен образования централизованного государства теснилась монархической властью. В начале XVIII столетия не без участия указанных выше лиц патриаршество было ликвидировано, появился Синод, и церковная организация превратилась в одно из звеньев государственного аппарата.

Проявили себя отмеченные деятели и в философии. Последняя была выделена из того конгломерата с теологией, в котором она находилась, признана самостоятельным идейным образованием. С мировой философией эти люди были знакомы гораздо лучше, чем их средневековые русские предшественники. Ими особо выделены два периода в истории философии – античный и новейший, возникший вместе с возрождением наук. Отстраненная от теологии философия наряду с суверенностью обретает еще и светский характер.

Одна из идеологических дихотомий XVIII в. – Просвещение и просвещенный абсолютизм в их совместном бытии. Различаю-

щиеся по своей природе, они взаимосвязаны и обоюдно влияли друг на друга. Просвещение – явление антифеодального настроения, вобравшее в себя социальные силы, противостоявшие старым порядкам. Возникнув первоначально в XVII столетии в Англии и в XVIII – во Франции, оно достигло предела в своем развитии и завершило его, став исходом для иных начинаний. В XVIII в., вслед за западным, появилось и русское Просвещение, проявлявшее себя также в философии. Оно находилось в контексте созданных к тому времени просветительских идей, использовало их, стремясь приурочить к местным условиям, хотя по своему уровню и уступало западноевропейскому, особенно французскому, Просвещению. Последним была призвана на суд разума вся имевшаяся тогда налицо социальная теория и жизненная практика. Нормы, правила, учреждения, которыми общество успело обзавестись, должны были уйти в небытие, если выявлена их несостоятельность, продолжить свое существование, если установлена их непреходящая востребованность. Рассмотренные критически, подобные явления отвергались одно за другим. Но на один из устоев феодализма разум просветителей, в том числе и наиболее радикальных среди них, никак не отваживался посягнуть. Этим неприкасаемым элементом феодализма надолго осталась монархическая форма правления, приобретающая признаки абсолютизма. Подкупала европейских просветителей эта власть тем, что она брала на себя роль объединяющего центра, не позволявшего дворянству, в интересах всего феодального общества, слишком утеснять буржуазию. Даже то обстоятельство, что монархия абсолютистского типа все более показывала себя консервативной силой, откровенно принимавшей сторону дворянства, рассматривалось Просвещением как временное отклонение в ее истории, случайный отход от правильно взятого курса.

Абсолютизм, казалось бы, готов был пойти навстречу пожеланиям и призывам, с которыми к нему обращалось Просвещение. Он выражал намерение сблизиться с ним, прислушаться к его советам, сделать его заветы собственной программой, стать «просвещенным». Обновляя свой облик, он не прочь был украсить его просветительскими идеалами. Но воплощать их в жизнь не торопился,

предоставляя это иным, и совсем не близким, временам. Преуспевал просвещенный абсолютизм там, где непосредственной угрозы феодальным порядкам не было, где они не находились под ударом, революционная ситуация отсутствовала. Просвещенный абсолютизм стремился создать заслон антифеодальным силам на дальних подступах. Это – еще один образчик социальной мимикрии, обозначивший себя во второй половине XVIII столетия в таких странах, как Пруссия, Австрия, Швеция, Россия.

Из них наиболее успешно воспользовался социальной мимикрией абсолютизм в России. Знакомиться с произведениями французских просветителей Екатерина II начала еще до овладения престолом, а став императрицей, подкрепляла содержавшимися в них идеями свои программы и декларации. Она переписывалась с Вольтером, Ж. Л. д'Аламбером, Д. Дидро; последний даже приезжал в Россию по ее приглашению и несколько месяцев прожил в Петербурге, в императорской резиденции – Зимнем дворце. Все они – философы, представлявшие французское Просвещение. Императрица советовалась с ними; ее интересовало их мнение по поводу того, как намерена она совершенствовать вверенный ей социум. Она не только позволяла переводить их сочинения, но и сама принимала участие в этом, финансировала и некоторые издательские предприятия французских авторов. Внимание к ним проявляла не только императрица, но и ее окружение. При дворе и даже за его пределами появились собственные «вольтерьянцы». Себя Екатерина также считала философом, и не каким-то еще, а именно передовым. При этом крепостничество при ней и при ее содействии шло вширь и вглубь, вызвав грандиозный по размерам протест – Крестьянскую войну под руководством Е. И. Пугачева.

А. С. Пушкин, рассматривая феномен Екатерины II и ее абсолютизма, использовал такие понятия, как «личина», «фиглярство»; писал он о Тартюфе «в юбке и короне», о Вольтере, ею «обольщенном». Что касается русского Просвещения, то Н. И. Новиков, «распространивший первые лучи его», по распоряжению императрицы был отправлен в тюрьму, «где и находился до самой ее смерти» [Пушкин 1978: 91–93].

В литературе о Просвещении и просвещенном абсолютизме отмечена роль, «значительная и печальная», которую российская императрица сыграла в их судьбах. Если бы не ее деятельность, концепция просвещенного абсолютизма, умозрительно возникшая, «может быть, не оказалась бы такой долговечной и была бы скорее изжита и отброшена» [Макогоненко 1952: 75].

В конце XVIII столетия обеим частям данной дихотомии пришел конец. События показали, что Просвещение не способно было направить социальный процесс в мирное русло и предотвратить революцию. Да и царство свободы и счастья, о котором мечтали просветители, когда революционные бури улеглись, предстало иным и совсем не столь привлекательным. «Просвещенный» же абсолютизм в России, напуганный тем, что воспоследовало за Просвещением для феодальных порядков и монархии, порывал какие бы то ни было связи с ним, откровенно призывал в союзники консерватизм и реакцию.

Противостояла во второй половине XVIII в. официальной идеологии, просвещенному абсолютизму, еще одна идеологическая платформа. В ней была представлена аристократическая оппозиция режиму. Это направление в идеологии не пыталось выйти за пределы феодальных структур, но намеревалось ограничить монархическую власть, передав часть ее функций верхним слоям общества, смягчить и упорядочить крепостное право. Оппозиция такого рода была представлена в армии, государственном аппарате. Имелась она также при дворе и возглавлялась Н. И. Паниным. Философские взгляды, ориентированные данной идеологией, формулировал М. М. Щербатов, философствующий историк.

Внимание его привлекала социальная и политическая философия, а в ней – трактовка формы правления. В своей «Истории Российской от древнейших времен» он стремился показать, что дела государственного правления шли неплохо в тех случаях, когда самодержавный монарх считался с мнением своего окружения, прислушивался к нему. Если же эти нормы нарушались и власть становилась произвольной, то страдало при этом общество. Самое имя

такого правителя, даже посмертно, остается «ненавидимо» и находится в общем «поругании».

В историко-философских рассуждениях Щербатов предпочитает ограниченную монархию самодержавной, а республиканскую форму правления – монархической. Для него приемлема, правда, не всякая республика. Наибольшую симпатию вызывает у него Англия, которая, имея ограниченного законами короля, фактически «есть правление республики». Именно в таком виде она и шествует «к благу общему».

Россия же и в XVIII в. подконтрольна «неограниченной власти». Екатерина II действует «яко деспот», проявляет все признаки «самовластия». Сопровождается такое правление не только расстройством в делах. Давая в своем произведении «О повреждении нравов в России» обзор деяний сменявших друг друга императоров и императриц, Щербатов изобразил эти правления «купно» с сопровождающими их пороками.

Современное ему «деспотичество» он сравнивает с находящимся в открытом море кораблем, потрепанным бурей, лишенным руля, мачты, парусов, компаса. Его, деспотичество, ожидает, и уже в не столь отдаленном будущем, «жесточайший конец». Долг и обязанность живущих ныне – «низвергнуть сего кумира» [Щербатов 2010: 393].

Ориентация официальной идеологии на Запад, начатая в конце XVII столетия и сопровождавшаяся отрицанием традиционного прошлого, в конце концов завела ее в тупик. На Западе одна за другой следовали революции, отвергавшие феодальные порядки и ставившие на их место буржуазные. Во второй половине XVIII в. и в России в недрах феодальной формации сложился буржуазный уклад, который рос и укреплялся, так или иначе заявляя о себе. В этих условиях идеологическая ориентация на Запад имела бы лишь одну перспективу – формационную смену. Российская власть не нашла подобное возможным и попыталась этому воспротивиться. Намерения и поиски ее воплощаются в конкретные дела.

На место курса, который можно назвать официальным западничеством, выдвинулся иной – официальная народность. И сфор-

мулированы постулаты новой концепции были официальным лицом – С. С. Уваровым, помощником министра просвещения (ставшим затем министром). Концепция, предложенная в 1832 г., была в конечном счете одобрена на самом верху – лично Николаем I. Согласно ей, основными компонентами общественной жизни России, неведомыми Западу, являются самодержавие, православие, народность. Самодержавие при этом принималось в том именно варианте, в каком оно существовало тогда, то есть ничем не ограниченное православие – как поддерживающее и одобряющее режим во всем, без всяких оговорок; народность – с ее неотъемлемой принадлежностью, крепостным правом. Официальная народность тотчас получила признание консервативных сил; она приобретала новых сторонников и идеологов. Философом официальной народности стал Н. В. Гоголь, издавший в 1847 г. книгу «Выбранные места из переписки с друзьями».

Гоголь принадлежал к числу тех писателей, которые совмещали художественное творчество с занятиями философией. В ней он отдавал предпочтение той ее линии, которая шла от Платона; особенно привлекал его религиозный идеализм. Гоголь основательно изучил также православное богословие. Официальная народность была воспринята им органично. Он соотнес ее с новозаветной установкой, что нет власти, не санкционированной свыше. Монарх для него «божий помазанник», слышащий божественное слово непосредственно и следующий божественным призывам. Монарх несет ответственность только перед Всевышним и совершенно свободен от нее перед людьми.

Гоголь убежден, что покорность властям, о которой идет речь в Священном Писании, распространяется и на отношение крестьян к помещику, которому они принадлежат. Чтобы крепостные не сомневались в том, что существующее соответствует Божьей воле, Гоголь советует их владельцу: «...покажи им пальцем и самые буквы, которыми это написано; заставь каждого перед тем перекреститься, ударить поклон и поцеловать самую книгу, в которой это написано» [Гоголь 1993: 31].

Гоголь не считает, что все в стране обстоит благополучно, – социальные болезни и бедствия накоплены в ней во «множестве». Россия страдает от имеющихся в ней неправды, корысти, бесчестных плутов, продавцов правосудия, грабителей и прочих напастей и носителей их, которые, «как вороны», налетели на нее «со всех сторон». Много неполадок от неумения и нежелания вести дела правильно. Все это, считает Гоголь, можно устранить, если захотеть, и даже «нечувствительно», «просто». Есть для этого действенные средства: указание сверху, личный пример, проповедь, наставление.

Веру Гоголя во всеислие субъективного фактора не могли принять и те, кто ценил его книгу, разделял ее идейный настрой. П. А. Вяземский отнес автора «Выбранных мест» к числу сильных бойцов «против недугов общественных»: он не только возмущается «порочными явлениями», но и карает их «беспощадно». Однако, когда ставится вопрос, как «лечить» эти недуги, его рассуждения «оказываются несостоятельными»; Гоголь – диагностик, декламатор, но не целитель. Об одной из его попыток исправить общество Вяземский отзывается: «Это ребячество» [Вяземский 1984: 186].

Европейская жизнь, как она проявила себя в своем развитии, совсем не устраивает Гоголя. Ему не по душе установившиеся в ней буржуазные начала и сопровождающие их явления: парламентские прения, игра на бирже, корыстные расчеты в жизненной практике... В повести «Рим» он уподобляет Европу храму, из которого вынесли иконы; это уже не храм, обитают там злые духи и летучие мыши.

Консервативная идеология сохраняла свой ресурс и позже, после того как в 1861 г. страна пережила революцию сверху и формационную смену. На место официальной народности стал охранительный консерватизм. Он опять-таки был призван удержать социум, подверженный естественной трансформации, на том конкретном уровне, который достигнут им на данный исторический момент.

Само общественное бытие, которое, согласно охранительному консерватизму, надлежало сберечь, не являлось однородным по

своему составу. В обновленный тип общества, как следствие реформистских начал, половинчатых и непоследовательных, извлечших его к жизни, перешло немалое число элементов и даже целые блоки из прошлого. Сложившаяся форма общества воспринималась и трактовалась охранителями не как переходная, динамичная, а как промежуточная, постоянная.

В правящих кругах, формирующих идеологию, преобладало мнение, что сложившаяся структура общества и ход истории избавят Россию от пути, пройденного Западом, от капитализма, буржуазности, противоборства различных социальных сил; отсутствовало обоснованное представление «относительно социальной направленности экономического развития страны», сохранялась вера «в мнимую самобытность и исключительность России» [Волобуев 1987: 120].

Под влиянием данной идеологии находилась группа русских мыслителей, подкреплявших и разрабатывавших ее своим философским творчеством. Это М. Н. Катков, К. П. Победоносцев, Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев, В. В. Розанов, Л. А. Тихомиров... Их внимание сосредоточилось на тех сторонах капитализма, которые на Западе уже ярко обозначились и показали всю свою неприглядность. Они потрудились над развенчанием его именно тогда, когда он здесь только стал заявлять о своем присутствии и начал на что-то претендовать. Русский капитализм испытал на себе неприятие не только слева, но и справа, оказавшись под идейным натиском сразу с двух сторон.

У России, по мнению этой группы, возрастное преимущество перед Западом. Ведь всему живому положен возрастной предел, и Запад уже приблизился к нему. Народу одряхлевшему, отжившему ничто не помогает; настала пора – «со сцены долой».

Основываясь на этих посылах Данилевского, сформулированных им в книге «Россия и Европа», Леонтьев создал концепцию триединого процесса развития, согласно которой каждый социум, как и любой существующий на свете организм, переживает три стадии: становления (первичная простота), зрелости (цветущая сложность), старости (вторичное смесительное упрощение). Леон-

тьев считал, что та историческая миссия, которую призвана была осуществить Европа, пришлась на XV, XVI и XVII столетия; затем последовал финал, завершающая стадия развития. Наступивший процесс упрощения уже ничто не в состоянии предотвратить. Запад обречен. За пределами цветущей сложности осталось капиталистическое общество – оно досталось заключительной стадии, вырождению и угасанию.

Россия после реформ 60-х гг. XIX в., по убеждению охранителей-консерваторов, также приближается к роковой черте. По словам Леонтьева, нужны якорь и тормоз, чтобы удержать ее на достигнутом уровне, предотвратить дальнейшее движение вниз по наклонной плоскости. Россию следует «подморозить», а реформирование обратить вспять, отвоевывая утраченные позиции.

Надежды свои охранители возлагали на сильную самодержавную власть и православную веру. Только самодержавная власть, в их трактовке, способна регулировать отношения в государстве, составленном из многих народов и разнородных социальных групп.

Наряду с монархией абсолютистского толка видное место в сохранении и упрочении существующего отводилось православию. Оно рассматривалось как средство общественной дисциплины, действенное и спасительное. Суть христианской доктрины – покорность властям. Только божественное руководство верующий человек признает целесообразным и правильным.

Положение охранительного консерватизма, всегда пользовавшегося поддержкой верхов, окончательно утвердилось с приходом к власти Александра III. Представители данной группы К. П. Победоносцев и М. Н. Катков заняли ключевые посты в государственном управлении и в самой идеологии.

Символы и сравнения, использовавшиеся для собственной оценки охранительными консерваторами, весьма характерны. Катков в разговорах с окружающими уподоблял себя «сторожевому псу», который беспокоится за дом и его хозяина. Вслед за ним и Розанов выражал желание «быть собакой», чтобы оберегать дом, Россию, и хозяина его – «истинно русских людей».

Но все они чутко воспринимали окружающую обстановку и совершающиеся события, чувствовали, что почва уходит из-под ног. В перспективности своих установок они уверены не были. Рассуждая о дальнейших судьбах России, Леонтьев писал: «Сомнительна долговечность ее будущности; загадочен *смысл* этой несомненной будущности, ее *идея*. И я ли один так думаю? Нет, я знаю, многие в этом согласны со мною. Только не скажут громко, а лишь “приватно” пошепчут...» [Леонтьев 1992: 278–279]. Розанов, задаваясь вопросом, останется ли победа за консерваторами, отвечал на него: «Никакой на это надежды» [Розанов 1990: 70].

История подтвердила эти и подобные им предположения и догадки, пессимистичные для охранителей. Розанову и Тихомирову довелось даже пожить при советской власти.

В числе идеологических дихотомий XIX в. – западничество и славянофильство, которые сложились на рубеже 30-х и 40-х гг. и просуществовали до начала 60-х гг., когда на сцене истории произошла смена формаций и перед русским обществом возникли иные проблемы. Эти две партии – некая целостность, совокупность противоположностей. Вся более чем двадцатилетняя история их – это история полемики между ними в тех изданиях, которые были им подконтрольны, и в тех салонах, что были склонны к философским поискам. Западники руководствовались понятием общего: у России та же судьба, как и у Европы, но она отстает, и ей надо наверстывать упущенное. Западники ориентировались на социальные институты, которые утвердились в Европе или находились на пути к этому. Славянофилы, напротив, делали упор на особенном; Россия имеет свой вариант развития, отличный от западного. Если западничество не учитывало в должной мере специфику собственной страны, то славянофильство – то, что единило восточную и западную части континента. Совместить общее с особенным, отдельным ни одна из групп так и не смогла.

Западнический кружок изначально включил в себя крайне разнородные составляющие. Часть кружка желала бы, чтобы российская действительность обрела иной вид без применения решительных мер, мирно, ненасильственно. Некоторые же из его участни-

ков, В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. П. Огарев, эволюционировали к политическому радикализму. В конце концов раскол совершился. Кружок после оставления его революционными демократами стал относительно однородным. Возглавлял его Т. Н. Грановский, который был столь же выделяющейся в оставшейся части западничества личностью, как А. С. Хомяков в славянофильстве.

В приверженности западничеству в его окончательном проявлении, либерализму, ни они сами, ни их современники, ни последующие исследователи их воззрений не сомневались. Иное дело – славянофильство. Начала самобытности, на которые указывали славянофилы, признавались официально: самодержавие, православие, народность. Однако трактовки, которые давались этим социальным явлениям, различались.

Самодержавие – одна из характерных примет русской действительности – славянофильством, в отличие от западничества, не отвергалось; отыскивалось историческое место ему также и в будущем. Но в трактовках славянофилов самодержавие – это некий устой, который еще не был достигнут, к которому следует стремиться; пока в ходе своей истории самодержавие обретало, и нередко, все признаки деспотизма, тирании. Славянофилы мечтали о другом самодержавии, не похожем на то, каким оно было и стало, считали, что со временем его можно будет согласовать с широкой гласностью и всенародным представительством. Самодержавие в таком виде утрачивает, однако, свои признаки и перестает быть самодержавием.

Западничество не приемлет православие, религию, имеющую государственный статус и охранительный характер, хотя и сберегает в системе своих взглядов отдельные элементы веры в сверхъестественное (в верховное существо, в посмертное существование души). Есть исключения, и даже двух видов. О своей антирелигиозности заявлял В. П. Боткин. Религиозным философом в западничестве являлся П. Я. Чаадаев, подчеркивавший, однако, отличие своей религиозности от религии богословов и независимость ее от претензий светской власти.

Либерализм славянофилов, по своей форме – религиозный, также не обошелся без некоторых изъятий. Религиозный скептицизм проявляли И. С. Аксаков, Ф. И. Тютчев. Но славянофильство разрабатывает собственную теологию, и главное действующее лицо здесь – А. С. Хомяков. При жизни его работы по теологии официальной идеологией отвергались. Запрещенные, они публиковались лишь за пределами страны. Православная церковь рассматривалась в них как «низко упавшая». Православная же религия, существующая ныне и поддерживаемая сверху, обозначена как «казенная».

Православие, о приверженности которому заявляли славянофилы, так же, как и самодержавие, – нечто идеальное и пока не осуществленное. Оно еще не обнаружило внутренне присущих ему достоинств. Это – дело будущего. Задача славянофильства – выявить подлинное его содержание, сделать его общепризнанным, превратить возможности в реальность.

Славянофилы не принимали крепостничество как явление, противное, по их суждению, христианским заповедям. Была ясна для них и историческая несостоятельность крепостничества для общества в его поступательном развитии.

Славянофилы вместе с другими либеральными силами, в том числе с западниками, приняли самое активное и деятельное участие в подготовке и осуществлении крестьянской реформы. В числе либералов, противодействовавших консерваторам и продвигавших реформаторские начинания в различных комитетах и комиссиях, мы встречаем славянофилов. Намечавшиеся преобразования последние проектировали в различного рода записках. Представитель славянофильства Ю. Ф. Самарин даже стал одним из творцов манифеста, который был подписан Александром II 19 февраля 1861 г.

Сближение славянофилов и западников при проведении реформы получило впоследствии отражение в идеологии либерализма; практические начинания были продолжены теоретически, осуществлен синтез противостоявших друг другу направлений. В создании его приняли участие К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин, представлявшие философию, и С. М. Соловьев, философствующий

историк. Кавелин, имея в виду создавшуюся ситуацию, отмечал: «...самое название славянофилов и западников потеряло всякое значение... Каждый мыслящий человек... не может не чувствовать себя наполовину славянофилом, наполовину западником, потому что оба воззрения выражали и формулировали только две стороны одной и той же русской действительности...» [Кавелин 1989: 363]. Западничество внесло в синтез вполне откровенную ориентацию на тип общества, восторжествовавший на Западе и завоевывавший позиции в России, славянофильство – признание особенностей российской действительности, учет их. Но теоретический поиск не ограничился единением славянофильства и западничества.

Данный синтез, составившийся из двух компонентов либерализма, приобрел новый идеологический настрой. Если прежний либерализм в обоих своих проявлениях являлся оппозиционным к существовавшим порядкам, то отныне он стал охранительным и предлагал современному ему режиму сотрудничество и поддержку. Изначальные принципы либерализма охранительным вариантом его не отвергались, но осуществление их переносилось в иные, отдаленные времена. Охранительный либерализм, в свою очередь, выражал надежду, что самодержавный режим будет себя умерять, пойдет либеральным силам навстречу. Однако в своем стремлении привлечь на свою сторону самодержавную власть он имел конкурента – охранительный консерватизм, речь о котором уже шла выше. Противоборством этих двух сил отмечен период, начало которому положил рубеж 1850–1860-х гг.

Наряду с другими формировалась и демократическая идеология, явившаяся альтернативой тех идеологических платформ, которые были свойственны привилегированной части социума. Представлена она была в двух основных формах. Это идеология ненасилия и идеология революционной демократии.

Одна из них, первая в этом перечне, утверждала, что добиться кардинальных перемен в общественном устройстве можно без насильственных методов борьбы. Видными представителями такого подхода к происходящим и грядущим событиям в общественной жизни являлись Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой.

Оба они считали себя выразителями народных настроений и помыслов. Достоевский в «Дневнике писателя» заявлял о своей вере в великие силы народа, в их «спасительное» назначение. Он утверждал, что стоит «прежде всего» за народ, что именно народу принадлежит социальная правда и что только у него можно обрести «настоящую правду». Достоевский называл свои философские взгляды почвенничеством: они, по его мнению, отражают почву общества – его народные начала.

В «Исповеди» Толстой рассказал о том, как он вглядывался в жизнь «огромных масс людей» и как полюбил этих людей, как существование привилегированного общества потеряло для него всякий смысл, а действия «трудящегося народа», творящего действительность, представились настоящим делом, единственно заслуживающим внимания.

Достоевский мечтал о том времени, когда в социальном мире воцарятся общая гармония и братское согласие. Он выражал надежду, что, в конечном счете, войдет в свои права «социализм народа русского», «русский социализм».

Свое понимание совершающихся социальных процессов и тех результатов, которые воспоследуют, Толстой кратко сформулировал так: «Существующий строй жизни подлежит разрушению... Уничтожиться должен строй соревновательный и замениться коммунистическим; уничтожиться должен строй капиталистический и замениться социалистическим...» [Толстой 1954: 64].

Как приблизить данную стадию общества? Ответ давался и на это. Здесь у Достоевского с Толстым также имелось определенное единство. Достоевский утверждал, что перемены к лучшему должны начинаться с личности. Совершенствование индивидов изменит и все общество. Как моралист и художник слова, он и посвятил себя осуществлению этой задачи. Отдача была, хотя ее можно рассматривать только как частичный успех. Субъективный фактор, как и в других подобных случаях, не в состоянии был принять всецело проблему преобразования общества.

Толстой также считал, что изменить существующие порядки можно, если каждый будет совершенствовать собственную персо-

ну. Правда, он дополнил данную установку, обратившись к мерам сопротивления, которые не выходили, однако, за пределы ненасилия. Им были предложены нормы поведения, разрушительные для традиционных устоев: отказ от службы в армии, неприятие судопроизводства, налогов, «ложного учения», поддерживающего отживший режим, и т. п. Концепция, предложенная Толстым, оказалась действенной, она нашла свое воплощение в различного рода движениях гражданского неповиновения, хотя это не единственное средство социальной борьбы, как казалось Толстому и его последователям, а всего лишь одно из таких средств.

Слева от этого направления в демократической идеологии находилось другое, представители которого, исходя из того, что старое защищается всеми доступными ему средствами, считали, что и новому не обойтись без использования всех средств борьбы, в том числе и самых решительных. Это была революционная демократия. Конечная же цель у обоих этих идеологических направлений была одна – создание общества социальной справедливости, благоприятного для всех его участников.

Приверженцы революционной демократии – В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский и др. – создали такую философскую систему, которая имела существенные отличия от всех прочих и не без оснований была обозначена в их работах как новая философия.

Имея в истории мысли таких предшественников, как Г. В. Ф. Гегель и Л. Фейербах, они придали диалектическому методу материалистический характер. Этот метод применялся в исследованиях общества, явлений, происходящих в нем, его истории. Материализм достраивался доверху, в то время как у их предшественников он ограничивался природой и останавливался перед социальными явлениями. Был выдвинут «политико-экономический принцип», согласно которому развитие – умственное, политическое и всякое иное – зависит от обстоятельств экономической жизни. Экономический вопрос трактовался как «главнейший», «существеннейший».

Итак, представленная статья свидетельствует, что те или иные проявления русской философии связаны с определенными идеологическими комплексами. Последние, различные по своей природе, по-разному ориентировали философскую мысль. Каждый из них предопределял направленность философского поиска, стимулировал его познавательный интерес, сказывался на его результатах.

Литература

Волобуев П. В. Выбор путей общественного развития: теория, история, современность. М. : Политиздат, 1987.

Вяземский П. А. Эстетика и литературная критика. М. : Искусство, 1984.

Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями. М. : Патриот, 1993.

Кавелин К. Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М. : Правда, 1989.

Леонтьев К. Н. Цветущая сложность. Избранные статьи. М. : Молодая гвардия, 1992. 320 с.

Макогоненко Г. П. Николай Новиков и русское Просвещение. М. – Л. : Гослитиздат, 1952.

Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. VIII. Л. : Наука, 1978.

Розанов В. В. Уединенное. М. : Политиздат, 1990.

Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 68. М. : ГИХЛ, 1954.

Щербатов М. М. Избранные труды. М. : РОССПЭН, 2010.